

«И что ты, интересно, понял?»

Хотя Аль-Хайтам и чувствовал легкое недоумение, доказывать свою правоту он не собирался.

— Ну хорошо, это была лишь безобидная шутка, — тихо рассмеялся Фёдор. Его, похоже, искренне забавляла реакция собеседника.

— Я пришел к вам с одной небольшой просьбой. Надеюсь, вы мне не откажете.

— С какой?

— На время моего пребывания в Японии я бы хотел остановиться в вашем доме.

Эта просьба не была случайным капризом. Дети, жившие под крышей Аль-Хайтама, сплошь представляли собой фигуры исключительной важности. Да и круг его общения — от высокопоставленных супругов Эдогава до Десятого босса Вонголы — внушал уважение. Чтобы наблюдать за разворачивающимся спектаклем из первого ряда и при этом не попасть под удар, Фёдору требовалось укрытие в самом центре назревающего урагана — в его затишье.

— Не беспокойтесь, у господина Толстого я на хорошем счету.

Прекрасно понимая, что не вызвал у хозяина дома особого доверия, Фёдор сразу же выставил перед собой надежный щит — пускай сам Лев Николаевич находился за тысячи верст отсюда и подтвердить его слова не мог.

— Хорошо. Но с некоторыми условиями, — сухо ответил Аль-Хайтам.

Он согласился на удивление легко. И имя Толстого действительно сыграло здесь не последнюю роль.

Если уж Лев Николаевич решился выпустить своего «сибирского хомяка» в свет, значит, угроза от юноши была под контролем. Каким бы гениальным ни рос Фёдор, в свои юные годы он всё же не мог тягаться с умудренным опытом старым солдатом.

Раз уж прямой опасности для жизни окружающих гость не представлял, держать его под собственным присмотром казалось самым разумным решением.

— Весьма признателен, — Фёдор взял со спинки дивана книгу и раскрыл её на коленях.

Книги в библиотеке Аль-Хайтама были редкими — таких не встретишь на прилавках магазинов. Если верить популярной среди людей Вонголы теории параллельных миров, это выглядело

логично. Фёдор невольно задумался: предан ли его двойник из другой вселенной тем же идеалам?

Так или иначе, вопрос с его размещением решился за пару минут, что не могло не вызвать живейшего любопытства у остальных обитателей дома.

— Хм...

Фёдор подпер подбородок ладонью и в перерывах между чтением с тихим интересом считал тени, то и дело мелькавшие за дверной щелью. Каждые десять-пятнадцать минут они сменяли друг друга, словно часовые на карауле.

Они присматривались к новому жильцу.

Жилец присматривался к ним.

Ему действительно было любопытно: как эти дети, столь разные по характеру, но одинаково одаренные странными, порой опасными способностями, уживаются под одной крышей без вечной грызни?

Ответ нашелся быстро.

Всё дело было в двух хозяевах этого дома.

Опираясь на перила, Фёдор незаметно наблюдал за ними с лестничной площадки. Внизу царил удивительная гармония. Даже когда дети шумно дурачились, они интуитивно держались на расстоянии от Кавеха, стараясь не мешать ему.

Так они платили за искреннюю заботу.

В другой раз можно было увидеть, как жаждущие знаний ребята обступают Аль-Хайтама, затеявая глубокий спор, и внимательно, сосредоточенно обдумывают каждое его слово, прежде чем высказать свои соображения.

Так проявлялось их глубокое уважение к наставнику.

Один вел за собой, другой щедро отдавал тепло, а остальные с готовностью принимали это руководство и менялись сами. Благодаря такому хрупкому равновесию любые противоречия и недостатки улаживались мирно, не перерастая во вражду.

Вот только...

«Стоит ли вообще ломать голову над тем, любовь это или нет?»

Необычные отношения двух гениев походили на пеньковую веревку, испещренную множеством тугих узлов. Каждый узел — невысказанная обида, недопонимание, преграда между ними, которая, вопреки всему, не давала этой нити окончательно оборваться.

Чувства — вещь одновременно и полезная, и совершенно бессмысленная. Поняв, что этот ребус не имеет логического решения, Фёдор просто выкинул его из головы. Даже поселившись здесь, он оставался подобен стрекозе, едва касающейся крыльями глади воды — гость, готовый в любой миг сняться с места. Тот, кто ничего не ждет от других, не рискует обзавестись лишней слабостью. Его броня оставалась безупречной, без единой трещины.

Отстраненность Фёдора на какое-то время озадачила Кавеха.

— Не забивай себе голову, Кавех, он здесь ненадолго.

Родные края — куда более холодные, но полные дикой, безудержной страсти — оставили в душе Фёдора слишком глубокий след. Прошлого не стереть, и он был обречен рано или поздно вернуться назад.

Что же касается Сюдзи Цусимы, то он предпочитал просто соблюдать с новым жильцом паритет о ненападении.

— Но ведь хочется, чтобы даже в гостях человеку было уютно, — вздохнул Кавех, чей нарастающий запас доброты требовал выхода.

Под его мягким давлением домашние попытались вовлечь нелюдимого «онигири» в общую жизнь. Успехи были скромными, но лед тронулся: теперь их общение не ограничивалось дежурными приветствиями.

К всеобщему удивлению, быстрее всех общий язык с Фёдором нашел Сакуносукэ Ода.

— Одасаку, тебе не кажется, что от него так и веет ледяной стужей? — любопытствовал Сюдзи, бесцеремонно вклинившись в их разговор.

— Вовсе нет. У него богатый жизненный опыт, — спокойно отозвался Одасаку.

Благодаря своей обезоруживающей прямоте Одасаку не только получил ценные советы от начитанного русского гостя, но и ухитрился завоевать его расположение. Если бы симпатию Фёдора можно было измерить в цифрах, шкала определенно скакнула бы с нуля до твердых двадцати пяти процентов — колоссальное достижение для этого нелюдимо юноши.

— И вы обсуждаете это прямо при мне? — Фёдор задумчиво потер подбородок.

— А ты злопамятный?

Какая неприкрытая, дерзкая проверка на прочность.

— Если вам угодно, я могу это запомнить.

В глазах Оды это выглядело так, словно два пушистых зверька лениво покусывают друг друга за уши, нанося копеечный урон. Понадобились бы месяцы подобной возни, чтобы кто-то из них всерьез потерял самообладание.

Сюдзи лишь хмыкнул.

Вдруг раздался резкий телефонный звонок.

Все трое одновременно повернули головы.

— Прощу прощения, старый знакомый, — Фёдор вежливо кивнул Оде, поднялся и отошел в сторону, чтобы ответить на вызов в тишине.

Звонила Харука Ямасита.

\*\*\*

Дар предвидения оказался невероятно полезной штукой.

После череды точных предсказаний ценность Харуки Ямаситы в глазах сектантов взлетела до небес. Жрица, приносящая несчастья, прочно обосновалась в этой религиозной общине, которая на самом деле ни во что не ставила господина Тэнгэна. Она кружила над ними, точно вещая птица, сулящая скорую гибель.

— Его погубит болезнь, — обронила она как-то раз.

Вскоре один из почтенных прихожан действительно скончался в лихорадке.

— Вода заберет её, — прошептала она в другой раз.

И вскоре некая дама оступилась и утонула в глубоком пруду.

Наконец настал день, когда Харука произнесла:

— Несущие балки подгнили. Это место рухнет.

Люди успели вовремя выбежать наружу. Глядя на то тоскливое пепелище, на рухнувшие перекрытия храма и на безмолвную, отрешенную жрицу, они пали ниц. С того дня в Ассоциации сосуда времени её почитали как живое божество.

Получив такое влияние, она без труда смогла приблизиться к Рико Аманаи.

Беседы Рико Аманаи и Харуки напоминали разговор слепого с глухим.

Одна — изнеженная городская девчонка, вырванная из привычного мира, другая — жрица, выросшая среди людской злобы и суеверий. Слишком разное прошлое не позволяло им найти точки соприкосновения. И всё же у Рико не оставалось выбора. Запертая в четырех стенах, изнывая от тоски и одиночества, она изливала душу этой «деревянной кукле», больше похожей на призрак.

— Они стерегут меня как цепные псы! — жаловалась Рико. — Ну кто в наше время проверяет еду на яд перед каждым обедом? Даже у дверей уборной дежурят! Эти люди лишают меня воздуха, они задушат меня своей заботой!

Сравнение с птицей в золотой клетке подходило Аманаи как нельзя лучше.

Когда-то Харуку и саму так называли, но теперь она понимала: Рико заслуживает этого прозвища куда больше — и сейчас, и в том туманном, пугающем будущем, что ждало её впереди.

Глядя на несчастную пленницу, жрица почувствовала, как в сердце шевельнулась острая жалость.

— Я помогу тебе, Рико.

Жрица твердо решила уберечь Звездный сосуд от гибели.

— Очень скоро на вас совершат покушение, госпожа Рико, — заговорщически прошептала Харука и приложила палец к губам, призывая к молчанию.

«Куда лучше бежать? Может, в городскую больницу? Там всегда людно».

Для Аманаи это был идеальный шанс ускользнуть. Ведь в стенах храма не сыскать хирурга,

способного спасти жизнь после удара ножом, а значит, её непременно повезут в город.

«Попробуйте сбежать еще раз, госпожа Рико».

На губах Харуки заиграла мягкая, теплая улыбка — точь-в-точь как у её Господина Бога, чье присутствие всегда дарило покой. Этот кроткий взгляд придал Рико уверенности.

«Берегите себя, Рико».

Так эта странная, пугающая жрица подтолкнула её к спасению.

И в груди Рико Аманаи, где от воли к жизни остался лишь холодный пепел, вновь вспыхнула крошечная искра надежды.

<http://bllate.org/book/18256/1755744>